
ГЕРОИ-ХРАНИТЕЛИ В ПРОЗЕ ШОЛОХОВА

Д.В. Поль

Лаборатория литературы
Институт художественного образования
Российская академия образования
ул. Погодинская, д. 8, к. 1, г. Москва, Россия, 119121

В работе утверждается, что в произведениях Шолохова герои-хранители предстают во всем многообразии образов: патриархальные «отцы», матери, офицеры, оберегающие корпоративную честь. В прозе писателя произошло перераспределение акцентов в соотношении мужских и женских образов хранителей традиций. Постепенно исключительное место оберегателей традиционного заняли матери, что отражает изменения, происшедшие в народном бытии.

Русская литература знала несколько разновидностей героев-хранителей. Как правило, это умудренные жизненным опытом мужчины, зачастую они же являются летописцами, книжниками. Так, у Пушкина функцию хранителя в «Борисе Годунове» выполнял летописец Пимен, образ которого восходит к историческому Нестору, полубогатырскому автору «Повести временных лет». Нестор, Пимен, множество других подобных им реальных лиц и вымышленных героев русской литературы XIX—XX вв. — хранители высокой книжной культуры. Но в русской традиции были и иные герои, сохранявшие родовую память. От легендарного Бояна вплоть до XX столетия протянулась цепочка героев-хранителей, где значительную роль мог играть слуга, пестун, дядька, для которого сохранение молодым хозяином чести и здоровья — это и оправдание собственной жизни. Таковы, например, Савельич из «Капитанской дочки» или Михеич из «Князя Серебряного». В устном народном творчестве в качестве хранителя могли выступать подчеркнуто лишённые индивидуальности старик или старуха («некий старичок» или «некая старуха»). В дворянском обществе родовая честь, традиции нередко сохранялись и оберегались прежде всего мужчинами, женщина же выступала как жена и подруга. Сложившийся к XIX столетию дуэльный кодекс поведения закреплял и охранял данный статус.

В художественном мире Шолохова — от «Донских рассказов» до отрывков из романа «Они сражались за родину» — есть немало героев-хранителей. В сложнейших условиях революции и Гражданской войны, нового Смутного времени, патриархальный мир казачьей семьи оказался на грани полного исчезновения. Но даже жесточайшим давлением традиционные ценности не были уничтожены. «Донские рассказы» и роман-эпопея Шолохова «Тихий Дон» помогают понять происшедшее (1).

В «Донских рассказах» роль оберегателей устоявшегося образа жизни, как правило, выполняют мужчины и женщины пожилого возраста. Таков Бодягин-отец из рассказа «Продкомиссар», который не может и не желает понять, что власть не охраняет, а отбирает его добро, или же безымянные старики из «Пастуха», видящие основу крестьянского благополучия в пастьбе скота с молитвой

и в молебнах о благополучии скотины. Традиция для героев раннего Шолохова — это еще и сохранение авторитета старших. Так, Яков Алексеевич из рассказа «Червоточина» по привычке крестится перед едой (нигде в произведении нет свидетельств глубокой религиозности героя), для него обычаи — основа поддержания семейного мира и благополучия, а значит, и его собственного. Показательно, что оправдание будущему убийству младшего сына, вопреки воле отца ставшего комсомольцем, Яков Алексеевич ищет в Священном писании. Точно так же и в рассказе «Бахчевник» традиция — основа для сохранения власти отца, его статуса уважаемого казака, урядника.

В рассказе «Коловерть» роль ревнителя старины выполняет, что редко встречается у Шолохова, не отец, а сын, для которого следование казачьим обычаям — возможность сделать успешную карьеру. Но и в «Коловерти» отец, Пахом Крамсков, борясь за новое, является носителем традиции, только более древней, чем казачьи порядки. Отправной точкой в начале противостояния Пахома полковнику Черноярову и сложившейся системе помещичьего землепользования становится естественный для земледельца протест против пустования земли. Культ земли со своеобразной магией почвы — один из самых древних. В данном случае наличие оживление древнейших ценностей, свойственное революционной эпохе в России и отразившееся в весьма характерном названии «черный передел».

Традиция в «Донских рассказах» предполагает верность старым родовым казачьим представлениям, прежде всего о воинской чести. Для деда Гаврилы из рассказа «Чужая кровь» боевые награды, казачья форма — часть казачьего образа жизни, ради сохранения которого он отправляет на войну своего единственного сына, фактически принося его в жертву. С точки зрения молодого Шолохова, такое следование традиции со стороны героя — ошибка; гибель сына становится катастрофой для Гаврилы. И воскресает к жизни Гаврила, отказываясь от буквального следования старине: сначала перестает ходить в форме, а затем пересматривает свое отношение к хозяйству, к Советской власти. Герой отказывается от казачьего ради общечеловеческого — спасает злейшего врага, рабочего-продотрядовца, повинаясь более древней традиции — внесловной, христианской любви к ближнему.

В подавляющем большинстве женщины в «Донских рассказах» являются оплотом традиции. Таковы мать и предполагаемая невеста Илюхи из одноименного рассказа, мать и невестка комсомольца Степана из «Червоточины», жена Гаврилы из рассказа «Чужая кровь». Лишь в исключительных случаях женщина (городская девушка-комсомолка из рассказа «Илюха», Дунятка из рассказа «Пастух»), после убийства единственного брата уходящая в город) может выступать против традиционных устоев.

В «Тихом Доне» Шолохов представил сразу несколько типов героев-хранителей. Прежде всего это старшее поколение, хранящее древнюю родовую казачью честь. Таковы старики «Тихого Дона» — старый казак, прискакавший в хутор Рыбный для поднятия казаков на восстание, или всеми уважаемый Герасим Болдырев, или как отправленный на смерть старик Богатырёв — церковный титор,

идуший позади всех обреченных «величавой тяжеловатой поступью». «Встречный ветер раздувал, заносил ему назад концы белой патриаршей бороды, прощально помахивая махрами кинутого на плечи шарфа» [4; 142—143]. Перед нами проходят тени прошлого, однако они символически монументальны, ибо за ними не только без малого четыреста лет казачества, а вся праистория человечества.

Шолохов особенно пристально прослеживает линию хранителей традиции на примере двух казачьих родов — Мелеховых и Коршуновых. Мирон Григорьевич и Пантелей Прокофьевич — люди среднего поколения. Для них традиции — это не только поддержание отцовской власти над сыновьями, которые все более и более выходят из-под их контроля, а еще и залог сохранения родового благополучия. Для более старших накопление материальных благ менее значимо, чем для их сыновей. Не рождения годом, а годом присяги определяют свой возраст старики. Воинская честь неотделима для них от веры и казачьего образа жизни. Богатырёв не брал ничего чужого в захваченных горских аулах (только один раз взял ковер и всю жизнь стыдится этого). Гришаке при выборе жениха для любимой внучки важнее то, что «Мелеховы — славные казаки» (и дед Григория, Прокофий, «молодецкий был казачок»), чем материальное положение мелеховской семьи. Такие герои, как Гришака и Богатырёв продолжают линию, намеченную писателем в рассказе «Чужая кровь» в образе деда Гаврилы. Но в романе Шолохов значительно усложнил образ героя-хранителя. Гришака не просто демонстративно, как и дед Гаврила, отказывается снять казачью форму и боевые награды, но и ставит перед героями проблемы эпохального значения; под влиянием происходящих на его глазах событий он постепенно все более и более погружается в осмысление вечных проблем: власти и борьбы против нее, Бога и дьявола.

В Гришаке все сложно с самого начала романа: с одной стороны, он пользовался всеобщим уважением «за ясный до старости ум, неподкупную честность и хлебосольство», с другой — несмотря на очевидный достаток в семье, сидит в «сереньком, заштопанном во многих местах мундире», внучка Наталья единственная, кто по-настоящему заботится о нем, сын не слушает его советов. В середине 3-й книги Григорий Мелехов в сердцах думает о Гришаке: «И вот сроду люди так <...> Смолоду бесуются, водку жрут и к другим грехам прикладываются, а под старость, что ни лютей смолоду был, то больше начинает за бога хорониться. Вот хучь бы и дед Гришака. Зубы — как у волка. Говорят, молодым, как пришел со службы, все бабы в хуторе от него плакали, и летучие и катучие — все были его» [4; 254].

Не совсем понятным остается возраст Гришаки. В 1-й книге сообщается, что он «топтал землю шестьдесят девять лет», возраст отнюдь не преклонный. Менее чем через 7 лет, в 1919 году, он уже совсем ветхий старик, а домовину, по словам Пантелея Прокофьевича, приготовил 20 лет назад, то есть получается в 56 лет — совсем странно, тем более, что несложный подсчет определяет его возраст во время русско-турецкой войны (34—35 лет). В конце жизни Гришака, оставаясь в здравом уме, говорит, что ему «уж под сто лет пошло». Получается какая-то временная неувязка. Очевидно, автору важна не точность возраста, а само представление героя за вековую старину.

Для Шолохова Гришака — это и один из возможных путей Мелехова, если бы не революция, и он последний вместе с Григорием хранитель казачьей доблести и славы. Со смертью Гришаки рвется нить, связующая поколения, а с возвращением Григория домой, по сути дела на смерть, прекращает свое существование и сам «тихий Дон» в его казачьем измерении. Именно с Григорием Мелеховым, а не с Пантелеем Прокофьевичем, более всего и соотносим Гришака. У Гришаки, когда-то самого доблестного казака на хуторе, не любившего прислуживать кому бы то ни было, на хуторе только один продолжатель — младший из Мелеховых. Упрямство, бесстрашие и непокорный нрав Григория сродни гришакиным.

Незадолго перед смертью Гришака дает противоречивые советы казакам, и на первый взгляд это — знак его помешательства. «Живой, а кубыть трошки умом начал мешаться. Так и сидит дни и ночи напролет, Святое писание читает» [4; 251]. Но Гришака нисколько не путается в происходящих вокруг него событиях, не теряет нить разговора. Он находится в здравом уме, его память сохраняет свою прежнюю ясность. Только видит Гришака происходящие вокруг него события сквозь призму Священного писания, то есть вечности. Противоречия в рассуждениях Гришаки — прямое следствие сложности времени. Словесные метания Гришаки будут продолжены Мелеховым, переходившим из одного лагеря в другой. Категорично отстраняясь от пути Гришаки, Григорий спустя два года фактически придет к тому же, отказавшись от сопротивления властям и вернувшись домой, чтобы умереть.

Отдельные черты хранителя традиций есть и в самом Мелехове, однако проявляются они не сразу, а через их первоначальное отрицание. Молодого Григория раздражают старые обычаи. Показательно восприятие героем собственной свадьбы. Григорию неприятны запахи, затянутость обряда, каждый элемент которого на самом деле наполнен глубоким смыслом. «Удрученный свадебными обрядами», «в холодной отчаянной злобе», молодой Мелехов ищет сочувствия в нелюбимой жене, с которой он решил, как ему кажется во время свадьбы, навечно связать свою жизнь.

В романе «Петр Первый» А.Н. Толстого сходное неудовольствие от старинного свадебного обычая испытывает будущий император, реформатор Российского государства. Петра Алексеевича, как и Мелехова, раздражает старинный обряд, а не нелюбимая невеста. Считать ли это сходство восприятий показателем влияния Шолохова на Толстого? Возможно, но важнее общность ситуаций: два героя — вымышленный и исторический — накануне грандиозных преобразований всей российской действительности. Шолохов и Толстой используют универсальный прием, уже отмеченный ранее: взаимное отображение личного (психологического) — социального-природного.

В свадьбе Григория и Натальи «писатель схватывает мир как бы глазами своих героев, придавая им художественную зоркость и живописный талант» [2; 61]. Нельзя утверждать, что Григория женили насильно, «против воли» [2; 94]. Никто не понуждал его приезжать к невесте и целоваться с ней. В церкви, у алтаря, у Григория впервые возникает желание скорее закончить тягостный обряд прощания с прежней холостой жизнью. Мелехов не приемлет весь обычай,

а не само действие (сценам пиршества в свадьбе уделено намного меньше внимания, чем разговору Гришаки и Богатырёва). Лишь постепенно, пройдя Первую мировую войну, Григорий от отрицания семейных устоев вновь приходит к осознанию их святости и значимости.

Еще одним хранителем памяти предков, родовых устоев может быть назван Николай Алексеевич Листницкий. Это старый пан, все еще крепко сидящий в седле; судя по отдельным репликам, отпрыск древнего служилого рода, действительно, а не только в представлениях Евгения Листницкого прославившегося в войнах с внешним врагом.

Для Листницкого-отца при найме Григория первостепенное значение как раз имеет то, что он из хорошего казачьего рода. Старый генерал уверен, что молодой казак нанимается к нему вместе со своей законной женой; вряд ли он принял бы Мелехова, если бы знал истинный характер его отношений с Аксиньей. Генерал Листницкий привык к военной субординации и требует этого даже от прислуги; ведет традиционный для русского помещика, отставного военного, образ жизни: хозяйственные дела, охота как излюбленная забава; лошади, собаки — любимцы хозяина. Генерал не чужд современности: он живо интересуется политикой, читает современную литературу (например, Мережковского). Старый Листницкий — поборник традиций, однако и он понимает слабость монархии, для него в Февральской революции есть «роковая предопределенность».

Евгений, его единственный сын, лишен характерной для отца цельности и односторонности суждений. Для Евгения бегство Аксиньи с Григорием — это «романтическая история», а его долг — помочь влюбленным. Евгений влюблен в императора книжно, надуманно, так же он будет влюбляться и в Корнилова. Опорой Евгения является отец; именно ему он поверяет свои сомнения и восторги, к нему неоднократно приезжает отдохнуть, набраться сил. В обстановке революционного брожения и взрыва Евгений — человек, тщетно пытающийся быть достойным своего отца. Смерть отца лишает Евгения последней и самой важной опоры в жизни. Однако из сравнения отца и сына, а здесь и отмечаемое в портрете молодого Листницкого физическое нездоровье, вряд ли можно сделать категоричный вывод о деградации дворянства в изображении Шолохова. Писательская честность помешала Шолохову нарушить внутреннюю художественную логику повествования.

В романе Листницкие не единственные хранители офицерской чести. Целый ряд офицеров также может быть рассмотрен в этом качестве. Не так страшна смерть, как оскорбление — эта истина стала определяющей для дворянина и офицера. Фронтовые офицеры в «Тихом Доне» в основном следуют этому правилу. Для Калмыкова страшнее смерти побои, отсюда и его крик Бунчуку «не смей бить» и смерть в застегнутой на все пуговицы шинели со словами: «Стреляй! Смотри, как умеют умирать русские офицеры» [3; 152]. Есаул Чернецов, командир добровольческого отряда, как и Калмыков, умирает, не прося пощады, говоря большевиком перед смертью все, что он о них думает.

Образ матери, хранительницы семьи, домашнего очага, милосердия — один из центральных в романе «Тихий Дон». Мать для Шолохова воплощает проч-

ность, незыблемость бытия, и поэтому ущемление матери есть знак социального и нравственного неблагополучия. Образ матери в романе многогранен, и если это образ собирательный, то он и не сводим только к Ильиничне, матери Петра, Григория и Евдокии (Дуняшки) Мелеховых. Это и мать Бунчука, и мать Кошевого, и мать Коршуновых, и мать Погудко. Наталья, жена Григория Мелехова, также выступает как мать. Множество этих ликов и сливаются в образ женщины, одинаково оплакивающей гибель своих «белых» и «красных» сыновей в братоубийственной войне. Именно мать является общим началом, объединяющим противоборствующие стороны. С ней связывает писатель надежду на продолжение жизни, на возможность примирения заклятых врагов. Образ матери наиболее архетипичен и восходит к извечному, общечеловеческому архетипу матери. Шолоховым этот образ воспринимается во всей его изначальной составляющей: мать — исток, хранительница рода.

Так, мать Прокофия спасает от верной смерти только что родившегося недоношенного внука, будущего Пантелея Прокофьевича, забывая при этом о нелюбимой турчанке и об обиде, нанесенной ей и ее мужу сыном Прокофием. Ильинична, похоронившая старшего сына и мужа, прощает Кошевого, убийцу Петра, ради счастья дочери и спасения внуков. Ильинична же спасает и больного Михаила. Так когда-то в рассказе «Чужая кровь» казачка выходила продотрядовца, руководствуясь великим и древним законом материнского милосердия. Маленькая сморщенная мать Бунчука, восемь лет не видевшая сына, стремится молитвой перед ликом Николая Чудотворца и своим нательным крестом спасти сына от гибели в начавшемся кровавом междоусобии. Ясным светом светятся глаза Лукиничны, матери Митьки Коршунова, после приезда с фронта на побывку единственного сына; на коленях умоляет сход не отправлять сына на фронт в штрафной команде мать Кошевого. Для Шолохова существует великая истина, состоящая в вечном праве матерей на защиту жизни как таковой и на прощение любого чада. Именно мать, а не сестра, жена или возлюбленная, является хранительницей семьи, с ней связано утверждение семейных ценностей.

Убийство матери, даже чужой — один из самых тяжких грехов для героев романа «Тихий Дон». Всегда осторожный Пантелей Прокофьевич идет на открытый конфликт со своим родственником Митькой Коршуновым, убившим мать и сестер Мишки Кошевого.

В «Донских рассказах» и в «Тихом Доне» Шолохов вывел сразу несколько типов героев-хранителей и показал, как постепенно именно мать становится единственным полноценным оберегателем традиционных ценностей. С «Поднятой целины» начинается распространенная позднее у писателей-деревенщиков традиция рассмотрения матери как хранительницы.

Образ матери в романе «Поднятая целина» представлен несколькими героинями. Как правило, они воплощают силу и прочность старых традиций, защитниками которых они и являются. Так, мать Островнова (2) ненавидит новую власть как безбожную, притесняющую Церковь, и поэтому благословляет на борьбу с ней своего сына. Ненависть матери к Советской власти, в отличие от ее сына, более последовательна и не несет в своей основе экономических интересов. Трагична

сцена уморения ее голодом. Мать Островнова до последних мгновений ждет, что эта ужасная мучительная казнь будет отменена, надеется на это и продолжает любить своего единственного сына.

В лице матери у Шолохова присутствует и жертвенное начало. И не только в случае с Яковом Лукичем Островновым, где мать приносят в жертву ради интересов семьи, но и в случае с матерью Давыдова, ради детей ставшей проституткой (3). Судьба матери Давыдова откровенно мотивирована социально и целиком объяснима неблагополучием дореволюционного строя. В целом же в «Поднятой целине» мать выступает, как правило, приверженцем старого устоявшегося порядка. Даже мать местного активиста Размётнова придерживается старых ценностей: для нее, как и для любой матери, важно, чтобы у ее сына была семья, жена, дети. Она не вмешивается в общественную жизнь сына, не становится и не пытается, в отличие от главной героини романа М. Горького «Мать», стать его соратницей.

Неудивительно, что в «Поднятой целине» ощущается определенная рознь между поколениями. В то время как молодежь занята строительством новой жизни, старшие, и прежде всего матери, озабочены сохранением привычного уклада. Это сказалось и на отношении сыновей к матерям. Так, обычный и в общем-то ничем не примечательный Мишка Игнатёнок, один из местных активистов, публично отмежевывается от своей матери, принимавшей участие в народном возмущении.

«Величественная старуха» с «мужским шагом» мать Мишки Игнатёнка выглядит намного мужественней мужчин, когда отстаивает старые порядки. Только в «Тихом Доне» встречается столь же «величественный» герой — упомянутый выше церковный титор Богатырёв. Мать Игнатёнка пытается надеть крест на Андрея Размётнова, чтобы спасти его от Антихриста, и оказывается в числе тех, кто возглавляет народное возмущение. При всем том, что она, как и ее сын, является второстепенным героем, «шупающий» во время раскулачивания дочь кулака и отказывающийся, по сути, отрекающийся от матери Игнатёнок сильно проигрывает своей матери.

И хотя сам писатель в «Поднятой целине» в целом поддерживает новый колхозный порядок, он ни разу не ставит под сомнение авторитет «архаичной» матери. Даже в описании таких врагов Советской власти, как мать Островнова или Игнатёнка отсутствует неприязнь или насмешка. Мать для Шолохова, вне зависимости от ее личного отношения к большевикам, всегда остается на особом положении. Возможна вражда, вплоть до убийства, между отцами и детьми (очень хорошо это было заметно в «Донских рассказах» Шолохова), но нет ничего подобного в отношении к матери. Только в случае с Островновым и его матерью Шолохов отступил от этого правила, и сделано это было, чтобы показать предельное одичание героя, утрату им человеческого облика. У Островнова, медленно убивающего свою мать, уже нет тех колебаний, какие были у него в самом начале романа при убийстве жены Хопрова. Именно такой, человечески неопустошенный Островнов в первой книге показан в неразрывной связи с природой, сцена «Островнов и старый дуб» — прямая переключка с Л.Н. Толстым. А «разрыв

с обществом, с правдой истории, с общественным деянием для Шолохова обязательно ведет и к разрыву с природой» [1; 419].

В «Поднятой целине» роль хранителей старых патриархальных ценностей в основном выполняют женщины. Островнов, выступающий за возвращение старого, убивая мать, порывает с древнейшей традицией, основой всего патриархального комплекса, утверждающего незыблемость авторитета родителей. Под стать Островнову и активисты, отказывающиеся, как Мишка Игнатёнок, от своих матерей и не желающие отвечать за их дела.

В «Науке ненависти», в «Судьбе человека» и в главах из романа «Они сражались за родину» для Шолохова становятся значимыми традиции, связанные с воинской службой. В борьбе с внешним врагом приобретают значимость воинская честь, самопожертвование, национальная гордость (Андрей Соколов). И вновь, как и в «Тихом Доне», появится хранитель народной мудрости; на фоне «вяза патриаршего возраста» старик Сидор объясняет репрессии конца 30-х годов проявлением негативных качеств народа, «ударившегося в политику». Но все-таки главным хранителем традиций в поздней прозе Шолохова осталась мать.

Главы из романа «Они сражались за родину» в силу своей разорванности делают затруднительным их анализ, но даже по ним заметно особое положение матери в творчестве позднего Шолохова. Один из героев романа так определяет сущность матери: «мать — это корень, а отцы — дело такое, одним словом всякое» [5; 43]. В этих словах пожившего и повидавшего всякое старика заключено и народное, и шолоховское видение матери.

Женщина для Шолохова в романе «Они сражались за родину» прежде всего мать, которая единственная способна укротить и обуздать самые темные человеческие качества. И если она нарушает материнский долг, как жена Стрельцова, которая разлюбила своего мужа, забросила ребенка, стала встречаться с другим человеком, то она утрачивает всякое уважение со стороны как героев, так и самого писателя. Теща Стрельцова поддерживает своего зятя, для нее незыблемы семейные ценности. В этом отношении она близка к Ильиничне из «Тихого Дона». Она скорее не теща, а мать для своего зятя. Писатель отнюдь не отрицает силу природных чувств, но для него в данном случае величие человека определяется способностью их обуздывать, как это делает Николай Стрельцов.

Женщина-мать в главах из романа «Они сражались за родину» выступает и в роли хранителя — как семейных, так и традиционных казачьих ценностей. Так, старая казачка сначала как хранительница старой родовой чести дает отповедь Лопехину: «Когда это бывало, чтобы супротивник до наших мест доходил? Сроду не было, сколько на свете живу, а не помню!» [5; 73]. И только затем выполняет древний материнский долг — дает соль и ведро солдату.

В произведениях Шолохова герой-хранитель предстал во всем многообразии ипостасей: патриархальные «отцы», матери, офицеры, оберегающую корпоративную честь. В прозе писателя произошло перераспределение акцентов в соотношении мужских и женских образов хранителей традиций и постепенно исключительное место оберегателей традиционного заняли матери, что отражает изменения, происшедшие в народном бытии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В работах В.В. Кожина, Н.В. Корниенко («Сказано русским языком»), С.Н. Семанова («Православный «Тихий Дон»») подробно проанализированы причины кризиса семейных устоев в казачьей среде и то, как это отразилось в литературе.
- (2) Сама фамилия «Островнов» указывает на особое положение героя в казачьем хуторе, несколько в стороне, на отшибе. В «Тихом Доне» исключительное положение Мелеховых среди хуторян подчеркивается местоположением их куреня.
- (3) Наверное, здесь можно попытаться увидеть переключку с образом Сони Мармеладовой Ф.М. Достоевского. Но образ матери в рассказе Давыдова крайне схематичен, а в самом Давыдове нет и малейшего намека на христианское смирение.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гей Н.К.* Художественность литературы. Поэтика. Стилль. — М., 1975.
- [2] *Семёнова С.Г.* Мир Михаила Шолохова. — М.: Наследие, 2006.
- [3] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 8 т. — Т. 2: Тихий Дон: Роман в четырех книгах. Книга вторая. — М., 1986.
- [4] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 8 т. — Т. 3: Тихий Дон: Роман в четырех книгах. Книга третья. — М., 1986.
- [5] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 8 т.— Т. 7: Они сражались за Родину: Главы из романа. — М., 1986.

HERO-KEEPERS IN SHOLOKHOV'S PROSE

D.V. Pole

Laboratory of literature of the Art Education
Institute under the Russian Academy of Education
Pogodinskay str., 8, 1, Moscow, Russia, 119121

The author asserts that Sholokhov's heroes playing the part of keepers of traditional values are represented in rich variety of hypostases: patriarchal fathers; mothers, army officers, and the ones protecting corporate honor and dignity. As for the balance between the male and female keepers of the traditional, remarkable redistribution of accents occurs in Sholokhov's prose: the leading place is gradually ceased to mothers. This reflects significant changes in the people's existence.